

Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская

АНАТОЛЬ ФРАНС КАК ИСТОРИК

Французский ежегодник 1980

М.: Наука. 1982. С.220-225

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Выдающийся историк и палеограф, член-корреспондент Академии наук Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874—1939) на протяжении всей жизни была тесно связана с Францией, французской наукой и культурой. Свое историческое образование она завершила в Париже, будучи командирована туда Петербургскими высшими женскими курсами. В течение 3 лет (1908—1911 гг.) она училась в Сорбонне, Школе хартий и Школе высших исследований, специализировавшись преимущественно как историк французского средневековья, и в 1911 г. с блеском защитила докторскую диссертацию в Сорбонне. Главными своими французскими учителями О. А. Добиаш-Рождественская всегда считала академиков Ш. В. Ланглуа и Ф. Лота, с которыми ее связывала большая личная дружба (оба они приезжали в Ленинград, причем Ланглуа в качестве директора Национального архива способствовал налаживанию первых советско-французских научных связей). Но она слушала также таких видных ученых, как Ш. Пфистер, К. Жюллиан, Э. Лависс, П. Видадь де ла Блаш, Э. Маль, возможно Г. Моно, занималась палеографией у Э. Бержэ и, вообще, прекрасно знала академический Париж 10-х годов.

Сочетая традиции русской и французской научной школы, О. А. Добиаш-Рождественская специально интересовалась историей французской исторической науки. Своё преподавание на Высших женских курсах она начала в 1911 г. лекцией памяти Габриэля Моно¹; в 1919 г. вела в университете семинарий по Мишле и вместе с группой учениц подготовила издание его избранных сочинений, написав к ним обширную вступительную статью²; в 1923 г. читала в ЛГУ курс историографии французского средневековья³; на смерть Э. Лависса откликнулась статьей, содержащей блестящую его характеристику⁴. Сама она как историк пользовалась большой известностью во Франции, о чем свидетельствуют и издание там ее работ, и отклики на них, и ссылки на них в современной научной литературе.

О. А. Добиаш-Рождественская любила и тонко чувствовала французскую культуру и стиль жизни. Об этом говорят ее работы, в том числе и публикуемая ниже. Приведем еще только свидетельство Е. Н. Чеховой: «Однажды она сказала строку Волошина:

В дождь Париж расцветает,
Как серая роза...

и добавила: „Только тот, кто жил в Париже и знает его, может оценить вполне этот образ. Париж окутан особой атмосферой, дающей градацию серых тонов, целую гамму их — от чудесного жемчужно-серого до глубоких темных тонов. Парижские художники неподражаемо воспроизводят гамму серых тонов, этот воздух Парижа“⁵.

Публикуемая статья О. А. Добиаш-Рождественской написана между 1924 и 1928 г. Закключаем об этом из того, что в ней упоминается о смерти А. Франса (1924), но нет никаких указаний на вышедший в 1928 г. русский перевод 1-й книги «Жизни Жанны д'Арк»⁶. Статья печатается по черновому автографу⁷.

¹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 254, № 191. (Далее: ГПБ).

² Там же, № 87.

³ Там же, № 203.

⁴ Добиаш-Рождественская О. А. Памяти Лависса.— *Анналы*, 1924, № 4, с. 256—261.

⁵ Чехова Е. Н. О. А. Добиаш-Рождественская: Воспоминания.— ГПБ, ф. 254, № 479, с. 63—64.

⁶ Франс А. Полн. собр. соч. / Под общей ред. и с пред. А. В. Луначарского. М.; Л., 1928, т. XIV. Жизнь Жанны д'Арк, кн. 1 / Пер. и прим. А. К. Виноградова. Насколько известно, 15-й том этого издания не вышел.

⁷ ГПБ, ф. 254, № 124.

Несколько слов в связи с содержанием статьи. Книга Анатоля Франса о Жанне д'Арк, вышедшая в 1908 г., была направлена против эксплуатируемого правыми кругами католически-националистического культа Жанны. Вместе с тем А. Франс стремился с максимальной правдивостью воссоздать ее героический и трагический образ, и О. А. Добиаш-Рождественская высоко оценивает его усилия в этом направлении⁸. Есть, конечно, немало парадоксального в том, что она обнаруживает романтические черты в А. Франсе, признанном стороннике классической ясности и недруге литературного романтизма. Можно, однако, заметить определенную переключку между словами Франса о том, что историк должен многое забыть, чтобы понять современников Жанны, и заявлениями современных ученых⁹ о необходимости изучать психологию средневекового человека и понимать средневековую культуру в системе ее координат, ибо уличить средневековье в дикости и невежестве столь же легко, как и малопродуктивно (конечно, у Франса это выражение своеобразно и не в терминах современной науки).

Не следует также в прямом смысле понимать слова О. А. Добиаш-Рождественской об опасности искания причинно-следственных связей. Она была сторонником конкретного исторического изучения и неприязненно относилась к априорным схемам, но никогда не отрицала детерминизма как такового.

Думается, что мастерски очерченный портрет одного из самых ярких представителей французской культуры конца XIX — начала XX в. и характеристика его отношения к истории могут претендовать на внимание современного читателя.

Еще раз подчеркиваем, что публикуемый текст черновой и не доведен до того предельного литературного блеска, который отличает завершенные работы О. А. Добиаш-Рождественской. В особенности это относится к цитируемым ею в собственном переводе отрывкам из А. Франса. Мы, однако, не сочли возможным что-либо здесь менять. В нескольких местах даются интересные варианты. Заглавие и примечания в конце статьи принадлежат публикатору.

В. С. Каганович

«Честный Кишра и отважный Анри Мартен¹ отнесли незаслуженно сурово к правительству 1428 г. По их мнению, это было правительство предателей. Они в сущности упрекают Карла VII и его советников в том, что те не сумели понять Деву так, как сами они ее понимают. Для этого понимания, однако же, понадобилось 400 лет. Чтобы дать ее фигуре освещение в их духе, нужны были три века абсолютной монархии, Реформация, Революция, войны Республики и Империи, сентиментальный неокатолицизм людей 48-го года. Сквозь ряды этих блестящих призм, сквозь последовательно налагавшиеся одна на другую окраски, романтические историки и великодушные палеографы открыли фигуру Жанны. Слишком много спросил бы с бедного дофина Карла, с Реньо Шартрского и старого Гонкура тот, кто вздумал бы требовать с них, чтобы они сумели видеть Жанну такую, какую века создали и завершили ее» (А. Франс. Жизнь Жанны д'Арк. Предисловие).

Быть может, в истории Жанны, как она изображена художником-скептиком и историком-«дилетантом», автор впервые до конца сосчитался с эффектами этих призм и освещений, чтобы подняться к образу, как возможно близкому к истинному. Эпитеты, которые мы здесь прилагаем к умершему автору «Жизни Жанны д'Арк», стоят, по-видимому, в известном противоречии один с другим, и тем не менее исчерпываемые ими качества все сошлись в личности Жана Анатоля Тибо (принявшего литературный псевдоним France), чтобы выработать из него единственного в своем роде воссоздателя ушедшего человеческого мира.

В только что цитированном предисловии к «Жизни Жанны» Анатоля Франс отгораживается от «великодушных палеографов» и «романтических историков». Не знаю, делает ли он это искренно. Во всяком случае это не совсем справедливо.

⁸ Так же, как и А. В. Луначарский, написавший в предисловии к переводу «Жанна», что Франс «подшел к подлинной истине так близко, как только возможно» (Франс А. Указ. соч., с. 13).

⁹ См., например, Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Прежде чем в руках ученых историков очутилась так много оспариваемая книга, которая претендовала стать вкладом в научную литературу, они не в меньшей степени, чем образованная публика, зачитывались художественными подделками Анатоля Франса под историю*. «C'est un pasticheur admirable», — сказал о нем один из самых суровых членов Академии надписей.

Не одна личная его биография с ее впечатлениями антикварной сокровищницы отца, «последнего» (как характеризовал его Гонкур) из славной породы книгопродавцов-старьевщиков на Quai Malaquais, не одни воздействия ученых бесед археологов и эрудитов самых различных рангов, проводивших в ней долгие часы импровизированных «семинариев», разрешит вопрос, как сформировался в нем чуткий и легкий гений проникновения в минувшее, воссоздания его под едва уловимым палетом иронии — в красках живых и подлинных, точных часто до последних нюансов. Он впитал его из всей культуры страны, имя которой принял, того мирового «исторического» города, в котором вырос и учился, непрерывно и напряженно, хотя и вне кадров какой-либо высшей школы. Католическая коллегия Stanislas была единственной формальной школой, которую он окончил. Уже в статье своей, посвященной Анатолю Франсу, в «Revue Historique» 1908 г. Габриель Моно поправляет ошибочное утверждение Люшера, будто бы Франс прошел Ecole des Chartes**. Он во всяком случае не посрамил бы никогда подобной репутации.

Его любили сравнивать с другим скептиком-артистом, виртуозом историко-художественных перевоплощений, Эрнестом Ренапом. Мастерство, с каким усомнившийся в христианстве Ренап вновь наполнил дыханием жизни очень многое в христианской легенде, равно мастерству, с каким никогда ни во что не веривший Анатоль Франс сделал плоть и кровью целые ряды сказаний мировой истории. Так, воскресил он в своей «Thaïs» мир позднего христиански-паганистического Египта с его странным, беснующимся обществом, эпикурейцами и святыми, сфинксами и столпниками пустыни; в своем Saint-Satyr — светлые миражи раннего утра новой веры, в изменчивом свете которого, подмешивая друг друга, бродили языческие и христианские мифы; в сборнике «Puit de Sainte Claire» — легенды средневековья, в «Rotisserie de la reine Pedauque» — образы поздней магии и тонкий, снисходительный скептицизм капуна Революции, а пламенных ее духов и горькую иронию — в «Les Dieux ont soif», чтобы в «Histoire contemporaine» дать сатиру вчерашнего дня, прежде чем в «Ile des Pingoins» и «La révolte des Anges» — фантазию будущего мира — стоящую, впрочем, бесконечно ниже исторических подделок того же автора — потому ли что вообще подобные предприятия обречены на неудачу или потому что правы были те, которые говорили о его воображении, что оно живет только питаясь чужим.

Мы не знаем, к какому роду следует отнести самое совершенное из его произведений «Le crime de Silvestre Bonnard», которое заставило вздрогнуть сердца всех эрудитов истории тем бесподобным изображением одного из «великодушных палеографов» поколения, несколько старшего, чем поколение Анатоля Франса, — в котором не без большой вероятности узнавали идеализированный облик самого автора и где ученая лаборатория старого французского «шартиста» и его своеобразная психея воспроизведены не только с изумительной живою прелестью рисунка, но с безупречною точностью научно-технических деталей обстановки, терминологии и тона.

Но ведь тяготение к художественному воссозданию истории уже есть «романтическая историография» в ее стремлении уловить не столько

* Далее зачеркнуто: «C'est un pasticheur admirable», — сказал мне однажды в частной беседе один из самых суровых медиевистов нынешнего Института².

** Далее зачеркнуто: Великодушный палеограф, т. е. точный эрудит, был до того силен в нем, что самые компетентные французские историки — в лице Люшера — ошиблись насчет его ценза, полагая, будто он был учеником Ecole des Chartes.

точные схемы, сколько «игру жизни». И что этому методу Анатоля Франс следовал не только в произведениях belles lettres, но и в «Истории Жанны д'Арк», видно из его собственных признаний.

Забота о соблюдении «точного колорита» — естественное одеяние романтической историографии — оторвав его от хроник, повела его в «города и на поля, где проходили описываемые события». Она заставила его «всматриваться в долину Мезы, когда весна наполняет ее цветами и благоуханием», а также «под опустившимися низко тучами и холодным туманом осени». Чтобы пережить триумфальное шествие Жанны, он «посещает смеющиеся берега Луары, мягкие долины Иль-де-Франса» (предисловие к «Жизни Жанны» стр. XXVI сл.). Она вынудила его воссоздать в воображении «реки, земли, города, какими они были пятьсот лет назад», «приучая глаз к формам, в какие одевались тогда люди и явления», запрашивать «все, что сохранилось от минувшего в камне, железе, дереве и красках»***.

Здесь что-то иное, нежели забота добросовестного географа изучить сцену действия, и археолога — точную обстановку эпохи. Требование чисто романтического *Hineinleben* стоит за словами и выражениями, какими автор характеризует свою манеру: «Чтобы почувствовать (*sentir*: автор не употребляет слова «понять») дух эпохи, которой больше нет, чтобы стать современником людей былого, необходимо долгое изучение и любовное рвение. Трудность здесь заключается не только в том, что нужно узнать, сколько в том, что необходимо забыть. Кто действительно желает жить в XV в., должен отрешиться от очень многого: от науки, от системы, от всех завоеваний, которые сделали из нас современных людей. Он должен забыть мировую систему Лапласа, уверовать в науку св. Фомы и Данте. Обыкновенный историк, обыкновенный палеограф не сумеют помочь нам понять современников Девы. Им недостает не столько знаний, сколько невежества, забвения современной войны, современной политики, современной религиозности.. В этом смысле я принес много жертв желанию заставить жить читателя в XV в...».

Но, пожалуй, иным не было тайное стремление не столько «отважного Анри Мартена», который в сущности был довольно пресным либеральным рассказчиком истории, сколько Жюль Мишле. Однако Мишле, который «был весь пламя» (*Michelet c'est la flamme*), деятельно принимал воссозданный им мир истории, страстно ненавидя его зло и любя его добро. Он был романтик от избытка сердца. Анатоля Франс — романтик по замыслу и таланту.

Этот намеренный, рефлексированный романтизм во многих случаях вел к цели вернее, чем наивный романтизм Мишле. Пусть не цеховой ученый, он штудировал материю истории гораздо систематичнее и тщательнее, чем некогда то делал Мишле. «Романтический метод» для него, одного из величайших умов и величайших скептиков среди потомков Рабле и Вольтера на заре XX в., дополнялся другим «методом самой зоркой критики». «И когда мы забыли все, что произошло со времен юности Карла VII, чтобы почувствовать мир, как его чувствовал опальный клирик Пуатье или орлеанский буржуа, несущий службу на городских валах под осадой англичан, нам нужно напрячь всю силу мысли, чтобы объять сцепления и объяснить причинно-следственную связь».

Но уже здесь мысль Франса как бы двойится. Все движение точной части исторической науки шло от зоркой критики, и значительная часть ее заблуждений — от исканий пресловутой причинно-следственной связи. Ибо если первое неуклонно вело к углублению подлинной действитель-

*** К этому месту сделана вставка, затем вычеркнутая: Правда, он сам беспощадный судья своего романтизма. В особенности стал он таким в старости, в период, который печально закрепляется образом Анатоля Франса в туфлях³, где рядом со многим весьма интересным, остро подмеченным в его замечательных чертах как писателя и ученого столь мало привлекательно выставлена старческая распущенность.

ности, то со вторым — он на пуги к новому ее искажению, в форме, между прочим, рационалистического мифа.

От этого упрека не свободен духовный внук Вольтера. Не одна католическая критика в свое время дружно напала на него за страницы «Жизни Жанны». На него в обернутом виде могла бы быть обрушена ирония, с какою он трактует многочисленных военных историографов Жанны, искавших объяснения ее успехов в специальных артиллерийских дарованиях Девы и «подставлявших под наивное чудо XV века политехнический феномен» (a substituer a la naïve merveille du XV siècle un phenomene polytechnique). В совершенной с этим аналогии, на серьезного историка, — надо прибавить, не затронутого вовсе религиозной верой, какими были значительная часть академических критиков Франса, — произвели безвкусное или комическое впечатление расследования, с помощью которых он старается установить, какой именно клинический случай представляла собою Жанна или какие политики могли внушить ей ее патриотические формулы и военные планы, либо подделать «видения и голоса». Надо сказать, впрочем, что эти аляповатые страницы легко отпадают от произведения Франса, где с небывалой верностью живописалась вся атмосфера, взрастившая Жанну, и где за нарочитым подчеркиванием в ней значения фетиша, который дергали за соответственные пружины любые дельцы, она тем не менее встает в своей оригинальности, с часто трезвым отношением к действительности, простым и находчивым умом, юмором, то спокойным, то трагическим, со своей деятельной добротой, дитя трудового народа, его образ, его символ. Если крайняя правая критика под предлогом выше очерченных лягушечек осудила на преждевременную смерть («произведение Анатоля Франса будет забыто. Спасительница Франции будет жить в веках») книгу о жизни Жанны, то и крайняя левая, подобно своему антиподу, сравнивая Анатоля Франса с Эрнестом Ренаном и «Жизнь Жанны» с «Жизнью Иисуса», любила повторять, что из критики источников оба не сделали выводов до конца: разрушив евангелие Иоанна как исторический текст, Ренан строит на нем свое повествование; подвергнув блестящей критике протокол осуждения Жанны как документ, обработанный в духе судившей стороны, Франс строит на нем историю событий и их героини. И однако же аналогия в данном случае поверхностна и неубедительна. Протокол осуждения есть современный событиям подлинный исторический документ, и если в нем судья-инквизитор явно нажимает на факты, искусственно добывая нужные ему показания, тем более доверия вызывает все то, что невольно оказалось в нем для него ненужного и идущего мимо его цели, все, что в нем рисует Жанну во всей глубине ее убеждения и красоте ее образа, а события — в их ему непонятных, сложных очертаниях.

Был еще упрек, который ставили ему с обеих сторон. Это — стиль, композиция его книги.

Отложив во введение общую критику источников и анализ проблем, а в примечания — тексты, ссылки и дискуссии, он не занимается тем и другим в ходе изложения; он не цитирует в нем почти ни одного памятника. Он ведет рассказ в тоне простом и интимном — dans un ton simple et familier — в стиле этих текстов. Так поступал он и в своих романах — прием, за который он назван был pasticheur admirable и который смутил и смущает многих в применении к подлинной истории.

Навряд ли, конечно, такой прием может быть рекомендован как образец научного стиля и композиции любому историку и, допустим, в отношении любой проблемы. Но все же нет правила без исключения. Не высказывая этого прямо, многие серьезные критики «Истории Жанны» — в их числе были Моно, Люшер и Лапглюа — дали нам понять, что подобное исключение было уместно, раз дело шло об Анатоле Франсе и Жанне д'Арк.

Оно уместно в отношении темы Жанны, потому что она слишком много дискутирована и слишком разнообразно освещена — от процесса

осуждения до процесса реабилитации, от официальных огней монархической и клерикальной иллюминации до искреннего пламени Мишле, от холодной насмешки Вольтера до поэтического скептицизма Репана. Ученый историк на заре XX в., если при этом он обладал талантом Анатоля Франса, получал наконец право, не увязая по минутно в дискуссии и ссылки, рассказать и воскресить; впрочем, моя цитата у всех перед глазами⁴.

Страстные споры, вызванные книгой, которую правая критика с воплями призывала «забыть», показывает, как многих она задела за живое. Самые высокие утесы медиевистики сдвинулись с места, чтобы объяснить не столько пристрастным судьям ***, сколько неразбиравшейся публике, чего стоит пред лицом серьезной науки книга Анатоля Франса. Романтический историк и писатель-дилетант проявил в ней себя как незаурядный ученый критик и очень замечательный исторический мыслитель, с каким отныне нельзя не считаться в литературе о Жанне. Эрудиция Анатоля Франса в ней безупречна и даже изумительна. Она впоследствии изумила самого автора. Об этом свидетельствует его секретарь, через какой-нибудь месяц после смерти патрона поспешивший изобразить его фигуру в «домашних туфлях» (*en pantouffles*): «Он бросил взгляд на книги, цитируемые в Жанне д'Арк. Он был поражен их массой; их величиной и весом. Это была импозантная библиотека. Он спросил меня: «Вы уверены, что я прочитал все это?» — «Конечно, и еще многое другое». Но в этом плоде 25-летней работы, быть может, прецизированном, а отчасти и разложившемся в «период Бруссона» есть нечто большее, нежели безупречная эрудиция. Так долго живший среди своего материала, один из умнейших людей XX в. оказался на высоте в оценке и использовании этого материала. То скромное и содержательное предисловие, в котором Анатолий Франс отложил все надуманное об эпохе Жанны и о той литературе, которая веками ковала ее образ — настоящий шедевр историографии.

Примечания

¹ Жюль Кишра (1814—1882) и Анри Мартен (1810—1883) — французские историки, писавшие о Жанне д'Арк.

² По всей вероятности, имеется в виду Ш. В. Ланглуа.

³ Имеется в виду книга пикантных, но мало достоверных воспоминаний Ж. Ж. Бруссо «Анатоль Франс в туфлях и в халате» (рус. пер. Л., 1925), написанная вскоре после смерти Франса его бывшим секретарем, помогавшим ему в работе над «Жанной д'Арк».

⁴ См. выше, с. 233.

***: Вариант: взбесившейся клике.

Л.Лотман. Проблема Великой французской революции в литературной полемике конца XIX—начала XX в.

(А. Франс и Достоевский)

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/Rus-lit7.pdf>

С.Юльметова. Анатолий Франс и Эдгар Кине

http://vive-liberta.narod.ru/journal/an-france_fe-77.pdf

Тибо Жак Анатолий Франсуа (Анатоль ФРАНС)

16.04.1844 — 12.10.1924

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#anfran>